

Идея большой книги о чукотском золоте у Олега Куваева возникла, похоже, еще в конце 50-х годов во время работы в Певеке. 15 июня 1958 года он записал в полевую книжку: *«Тема: рассказать о том, как нашли золото на Чукотке»*.

Прототип Д. Лондона “Любовь к жизни”. Главный герой Л.В. Обдумать! Обдумать!»

Но кого Куваев обозначил инициалами Л.В.? Мне расшифровать это имя не удалось. Правда, есть одна догадка: возможно, Куваев под Л.В. имел в виду промывальщика Леху Власенко. Это действительно была незаурядная личность.

Власенко был выходцем из украинского села. Но перед самой войной его за что-то арестовали и сослали на Север. Отбыв срок, он устроился к геологам Чукотки, искавшим олово. Ему же повезло не с оловом, а с золотом, которое, по мнению корифеев советской геологии, никак не могло соседствовать с оловом. Позже злые языки уверяли, что Власенко просто подфартило. Но другие были убеждены, что у бывшего узника ГУЛАГа сработала чуйка.

«Я, – вспоминал Куваев в 1968 году в документальной повести “Два цвета земли между двумя океанами”, – ходил с ним в маршрут, когда он контролировал промывку на одном ручье, объявленном по прежним поискам безнадежным. Так вот на этом самом контрольном опробовании на “пустом” ру-

чье он при мне извлекал из лотка “тараканы” с полнотя величиной. <...> Вряд ли это можно объяснить только добросовестностью, тем более что образования Власенко не имел никакого. Просто в этом человеке сидел талант геолога-поисковика».

Точно известно, что Куваев после перевода в 1960 году из Певека в Магадан полез в архивы Северо-Восточного геологического управления. Он хотел собственноручно полистать отчеты полевых партий конца 40-х – начала 50-х годов. И потом Куваев не один вечер выписывал в свои полевые книжки материалы из докладных записок Германа Жилинского, Василия Китаева и других первооткрывателей чукотского золота.

Но роман на одних выписках не построить. Нужны были сюжет и форма.

Первый вариант формы возник летом 1961 года. Куваев набросал в полевой книжке план серии новелл «Мы живем в краях отдаленных», которая должна была составить целую хронику жизни двадцатисемилетних – в противовес модным тогда повестушкам Анатолия Гладилина и Владимира Войновича. План включал пять частей:

1. Народ.
2. Осень.
3. Зима. Цикл развития закончился.
4. Весна.
5. Надежды».

Но потом Куваев, поразмыслив, решил, что не следует уже заголовком копировать Войновича. В его полевой книжке появилась новая запись: «Вместо “Мы живем в краях отдаленных” название нужно дать: “Мы вовсе не вундеркинды”».

Однако цельной серии у Куваева не получилось. Он не придумал сквозного сюжета. Позже часть задуманных новелл писатель включил в другую свою вещь – повесть «Птица капитана Росса». Но идея написания большого романа Куваева уже не покидала. В конце 1961 или начале 1962 года он набросал в записную книжку:

*«Роман
С какой стати стали искать золото?
Почему россыпное?
“Древнейшая” история поисков.
“Новая” история поисков.
История последних лет.
Колоритные ситуации.
С чем золото связано.*

План:

«Можно» 1,5 кг он с пистолетом отбирает у старателей.

Рассказ Власенко. Как мыли 1-й килограмм.

Китаев. Его фигура.

Как проворонили с разведкой. Как прииск уже сам прирастал запасы.

Как Власенко ищет.

Китаев, гуси и консервы.

Уточню: Василий Китаев в 1949 году руководил в Чаунском районном геологоразведочном управлении партией, которая наткнулась на золото. А первый килограмм металла намыл потом уже упоминавшийся мною Алексей Власенко.

Летом 1962 года Куваев наконец нащупал для романа конфликт. Он записал в полевую книжку: «Конфликт!»

Чаун – оловоносная провинция, по догме геологии олово и золото пространственно разобщены. Но именно здесь и было исключение.

Россыть Красноармейского. Там было золото, но до того велика сила догмы, что золото выбрасывали. Этим, кстати, пользовались ээки.

Сейчас разрабатывают совместно золото-оловоносную.

Россыть на одном из ручьев в Билибино была пропущена, так как прожывальщик был зол на начальника партии и нарочно смывал золото».

Новые наброски у Куваева появились летом 1963 года.

«Пишу роман, – признался он в июне 1963 года в письме родной сестре. – Пишется плохо. Вернее, хорошо для прежнего Куваева, но меня это не устраивает. Хочу найти какую-то сдержанную форму без всяких словесных выкрутасов, но в то же время свободную и ежкую».

К слову, литературными делами Куваев занимался отнюдь не в кабинетных условиях. Над книгой он работал урывками – в свободные от экспедиционной деятельности часы. В частности, сестре Куваев изливал душу, оказавшись в Заливе Креста.

Чуть повеселей романские дела пошли у Куваева после увольнения из академического института. В августе 1965 года он сообщил сестре: «Я уже тебе два года названиваю про свою эпохальную повесть. А материалы к этой повести раскиданы у меня в семистах записных книжках, и так написаны, что даже та тетя, которая разгадала последнюю неразгаданную закорючку К. Маркса, и то бы не разобрала».

Но по ходу дела возникли проблемы с историческими справками.

«В плане – роман, – признался Куваев сестре 22 сентября 1966 года, – фактического материала, кроме эмоций, – тью-тью. Покопаюсь в архивах, потолкую с геологическим корифеем Чемодановым, ух, интересный мужик. Потолковать я с ним должен хотя бы из этики – он всегда, этот дважды лауреат и герой соцтруда, с каким-то интересом относился к моей личности, не знаю уж, чем это объяснялось, и, в общем, объективно сильно содействовал моей геологической карьере. Но, в общем-то, он будет у меня полупотрицательным типом, ибо он же сгубил, выгнал, уничтожил массу талантливейших ребят, бериевец по закалке, но я здорово его уважаю за силу...»

Но в Москве много накопать оказалось сложно. Надо было лететь на Север, в места своей молодости.

«Ну а главное, из-за чего, собственно, еду на Чукотку, – выдал Куваев 23 мая 1967 года из себя признание главреду Западно-Сибирского издательства Абраму Китайнику, – это повесть об открытии чукотского золота. Как инженер я начал работать именно на этом золоте и долгие годы был связан с ним. Собственно, речь-то не о золоте и не об истории, а о парнях, их судьбах и прочем. Произошла, или происходила, незаметная миру “чукотская революция” в конце пятидесятых и первых шестидесятых годах. Вот об этом. Есть у меня три варианта – все это дерьмо, меня не устраивает, ибо я обязан написать об этом хорошо, т. к. ухлопал на эту великолепную эпопею порядочный кусок собственной биографии, да из уважения к ныне здравствующим

Перед самым же Куваевым вновь обострился вопрос, с чего же все-таки начать собственную книгу – возвращаться к придуманной в 1960 году форме и все вместить в годовой цикл или резко раздвинуть временные рамки повествования и делать исторический роман?

друзьям, которые ухлопали вдесятеро больше. Впрочем, слово “ухлопать” тут не подходит.

Сбор материалов затянулся у Куваева на несколько лет. А уже в 1970 году на Куваева вышли одни из первооткрывателей чукотского золота Герман Жилинский и Дмитрий Асеев. Один прислал статьи о том, что происходило на Чукотке в 40-е годы, а другой предложил свои мемуары как возможный материал для будущей книги писателя, но с обязательными ссылками на его экспедиции в конце 50-х – начале 60-х годов. Перед самым же Куваевым вновь обострился вопрос, с чего же все-таки начать собственную книгу: возвращаться к придуманной в 1960 году форме и все вместить в годовой цикл или резко раздвинуть временные рамки повествования и делать исторический роман?

О своих переживаниях и сомнениях Куваев весной 1970 года поведал геологу Игорю Шабарину.

«Сейчас я в раздвоении. Сама цель, благородство, что ли, ее, память парней, наших коллег, требует по логике и уму начинать с Колымы. Все эти годы просто хотел изложить сугубо чукотскую историю: Чукотка – золото и люди, которые это делали. Но истоки все-таки лежат на Колыме, и фигуры эпохи Билибина ведь требуют книги о них. <...> Ребята, отравленные бродяжничеством, хотят иметь свои “Три товарища”. <...> Боясь я. Боясь не осилить. С Чукоткой я свяжся. Колымы не знаю совсем.

Смушал Куваева и объем. Углубление в историю золотой Колымы растянуло бы роман на несколько томов. А надо ли это было?

Другие сомнения у Куваева были связаны с трагическими страницами Севера. Он много думал над тем, стоило ли ему касаться лагерного прошлого.

«Лагерь!» – писал Куваев Шабарину. – Колыма без этого эпизода – не Колыма. Писать же о лагере невозможно, и, хуже того, не имею я никакого морального права писать о нем. Не сидел я. Писать без этого об этом – дешево и еще раз дешево.

После долгих раздумий Куваев принял решение существенно сузить временные рамки своей книги, взяв за основу события конца 40-х – начала 50-х годов. В январе 1971 года он сообщил геологу Герману Жилинскому: *«Моей целью довольно уже давно было рассказать о ребятах редкой формации – геологах Чукотки “старых” времен, 1930–1950-х годов. <...> Это должен быть роман о подвижниках геологии. Произведение сугубо литературное, но основанное на четкой документальной основе. <...> Исторически не имеет смысла забираться глубже времен Богдановича (начала XX века. – В. О.). Кончатся же все должно, видимо, на открытии золота в районе Мыса Шмидта (прииск “Полярный”). <...> Вся история открытия должна быть как история столкновения характеров, обстоятельств и т. д.»*

К роману Куваев приступил, похоже, весной 1971 года.

«Начал я работу над романом, – признался он в июне 1971 года Борису Ильинскому, – и убедился в собственной глупости, ничтожестве и малом уме. Головы не хватает. В общем-то, это нормальный ход событий, всегда так новую вещь начинаешь, в смятении и страхе. Но что-то на сей раз очень уж».

Тут еще возникла загвоздка с названием. А для Куваева это было принципиально важно. В том же письме Ильинскому он подчеркнул: *«Для меня, например, название дает знамя. А следовательно, и стреляя».*

Поначалу Куваев собирался свой роман назвать «Иди на восток». Но тут сразу возникла перекличка с популярной в 60-е годы книгой Даниила Гранина «Иду на грозу». После этого Куваев стал склоняться к другому заголовку: *«Часть божественной сути».* Ведь многие геологи, деяния которых он собирался осветить, были для него полубогами. Были у Куваева и другие варианты. В одной из его записных книжек я нашел более десяти заглавий: «Иди на восток», «Половина божественной сути», «Яростный свет и потемки», «Пока качаются светила...», «Белой ночи яростный свет», «Шутя, играя...», «Время

бежать на север», «Удаляясь все дальше на север», «Передний вагон», «Снежный рассвет» («Полярный рассвет»).

«На роман, Боря, у меня большая ставка, – открывничал Куваев в письме Ильинскому. – Проще, это как раз тот случай, когда я не могу его не писать. Пусть даже для сундука. И странное дело. Я ведь хотел писать и собрать гору материалов про историю чукотского золота. Но выяснилось, что надо писать либо роман, либо историю. У романа свои законы, у документальной истории свои».

В конце июня 1971 года Куваев написал Игорю Шарину: *«Работу над книгой начал. Балдею от кучи возникших проблем».*

Не из-за возникших ли проблем писатель вскоре сорвался на Памир? Может, он полагал, что в горах легче будет собраться с мыслями? Но на Памире его ждали новые приключения. Про книгу о чукотском золоте он на какое-то время вынужден был забыть.

Вновь к роману Куваев вернулся в конце сентября 1971 года. А буквально через пару недель он отправил в московское издательство «Современник» заявку на будущую книгу. К слову, в ней уже фигурировало другое название романа: не «Часть божественной сути», а «...Белой ночи яростный свет». Куваев писал: *«Прошу включить в план издательства мой роман под условным названием “...Белой ночи яростный свет”. Материалом для него служит длительная, сложная, подчас трагическая, история поисков чукотского золота. (В настоящее время Чукотка является главным золотодобывающим районом страны.) Но это не роман о золоте. Это история людей, которые разными путями, через юношескую мечтательность, полярное суперменство, но в конечном счете через трудности борьбы с природой, разочарования, трагедии и яростные взлеты счастья приходят к единому финалу – мудрости людей, узнавших смысл жизни. История поисков не кончилась, и новые поисковые партии идут на крайний восток, на поиски морских отмелей, и в них новое поколение, которому предстоит познать мудрость и смысл. Те, кто его познал, пронесли через жизнь во всяком случае два качества: неистовую страсть к работе и веру в дружбу как основу человеческих отношений».*

Еще раз повторяю, что это не роман-хроника об открытии, удостоенном Ленинской премии и в котором участвовали тысячи легендарных людей. Я бы его назвал романом-балладой».

Помимо главной сюжетной линии судеб героев, в романе идет философская линия об извечной любви человека к странствиям как выражение любви к природе и преодолению препятствий».

Считаю возможным упомянуть, что автор, будучи по профессии горным инженером, около девяти лет “служил” именно в полярной геологии. Места событий, люди, история – часть его биографии».

Объем романа 12 п. л. Рукопись (работа над ней идет давно) будет готова к осени 1972 года».

В отличие от общепринятой, видимо, формы заявок, я не стал излагать сюжетную канву, фамилии и поступки героев, так как не знаю, как это сделать в трех печатных строках».

Как я понял, издатели к заявке Куваева отнеслись сдержанно. У них уже имелся договор с писателем на издание другой его книги – сборника повестей «Дом для бродяг». Но к той рукописи у них оказалось много претензий. А автор заупрямился и начал выступать против замечаний издательства. Поэтому в «Современнике» с новым договором решили повременить. Писателю предложили для начала принести в издательство каркас романа. А каркас еще выстроен не был.

В Подмоскovie сосредоточиться на книге Куваеву оказалось нереально. Поэтому он ближе к концу года махнул в Приэльбрусье.

«В Терсколе пришел в себя, – сообщил Куваев в январе 1972 года Борису Ильинскому, – загорел, приобрел и физическую форму – на горных лыжах, и накатал первые сто страниц предварительного черновика романа. Плохо все это, но уже проблески надежды есть, а то я, начав над ним работать, всякую надежду потерял. А называется он, Боря, так: “Там, за холмами”».

К новым переговорам с издателем Куваев оказался готов в конце марта 1971 года.

«А послезавтра, – написал Куваев 9 апреля 1972 года своей новой музе Светлане Гринь, – будут переговоры по поводу издания романа. Который не доделан».

От «Современника» с писателем все детали обсудил новый заведующий редакцией прозы Александр Целищев. Он же установил романисту срок сдачи рукописи: ноябрь 1972 года (с тем, чтобы книга попала в план выпуска на 1974 год).

«Переговоры об издании “мово романа”, – отпартовал Куваев через несколько дней Светлане Гринь, – закончились успешно. <...> Растем, язви его в душу! Осталось только его написать, довести до ума. Работа идет плохо. Разжижение мысли мешает».

Через два с половиной месяца к Куваеву неожиданно нагрянул его старинный приятель Владимир Дробышев. Он уже как год работал в редакции прозы издательства «Современник». Как оказалось, на-

чальство именно ему поручило курировать роман писателя.

«Вынырнул из небытия Володя Дробышев, – сообщил Куваев 19 июля 1972 года Светлане Гринь. <...> – Шибко интересуется романом и хочет им заняться (он критик). Что-то с этим романом все, кто меня знает, свихнулись. В издательстве он в плане стоит, в кино в плане стоит, в журнале в плане стоит, друзья похаживают, критики лезут в досмотр. Пожалуй, верный признак, что будет “пиши”. Сие нехорошо. Значит что? Значит, надо делать, кровь из носа».

Потом Куваев улетел в очередное путешествие, на сей раз на Север. К работе над романом он вернулся в Приэльбрусье, в Терсколе, где тогда со своей семьей жила его родная сестра.

«Торчал я тут сорок пять дней, – признался писатель в сентябре 1972 года своему давнему приятелю журналисту Владимиру Курбатову, – все эти дни вставал в шесть утра и таким путем закончил второй вариант толстого романа. Этот вариант уже можно демонстрировать своим людям».

Через пару недель Куваев стал развозить рукопись по Москве. 10 октября он сообщил Вл. Курбатову: *«Роман шляется по редакциям».*

Но писатель не уточнил, каким именно редакциям он отдал рукопись. Из его переписки со Светланой Гринь и другими знакомыми можно предположить, что свою вещь писатель отнес как минимум в два места: издательство «Современник» и журнал «Молодая гвардия».

В «Современнике» первым рукопись должен был прочитать Дробышев. Но тому в те дни оказалось не до прозы. Он ждал суда (его обвиняли в убийстве какого-то алкаша, выбивавшего у старой матери пенсию на очередную пьянку, а адвокат доказывал, что алкаш скончался не от чьего-то удара, а от употребления денатуратов). Спасло приятеля Куваева от тюрьмы вмешательство Шолохова, которого убедила позвонить прокурору младшая дочь, работавшая с Дробышевым в «Современнике».

«Суд у Дробышева прошел нормально, – сообщил Куваев в начале двадцатых чисел октября Светлане Гринь. – Дали ему год условно. Ну при наличии присутствия трупа – это по-божески. На суде я был. Интересно там».

В этом же письме Куваев коснулся вопроса о своей книге. Он доложил: *«Роман шляется по людям. С ним вроде все по графику. Где-то в ноябре, видно, сяду его переписывать».*

Спустя неделю после суда Дробышев сам нагрязнул к Куваеву.

«Опять же в ночь на эту пятницу, – отчитался Куваев 27 октября 1972 года перед Светланой Гринь, – привезла мой мне Володя Дробышев. Вчера, значит. Разнес он мой роман вдребезги. Вот и теперь сажусь за него по новой. Варианта два: либо я из того, что есть, делаю повесть страниц на 400, это быстро, и весной ее можно запустить в производство, либо делаю к концу будущего года роман – страниц на пятьсот-шестьсот-семьсот-девятьсот. Толстый роман. Он за то, чтобы я делал роман. Но это шибко осложнит мне бытие, весьма осложнит. А что делать? Наверное, буду делать роман. Но я не унываю. “Вперед и прямо”. Только так, Олег Михалыч».

Но мнение Дробышева носило неофициальный характер. А Куваева интересовало, как отнеслись к его рукописи издательские начальники. 15 ноября 1972 года он написал Гринь: *«...завтра узнаю, как там с романом в “Современнике”».*

Ну а в издательстве ему дали отзыв Анатолия Ланщикова.

«Мне представляется, – высказал свое мнение критик, – что в первой половине романа главным героем должен стать Чинков, но вовсе не потому, что он начальник остальным (далеко не всегда начальник должен быть главным героем), а потому, что в данном случае от действий Чинкова зависит, где кому быть в настоящее время, чем заниматься и даже о чем думать. Герои должны как бы “разбежаться” от центра (и такой центр – Чинков) и там уже, на месте, обрести свою автономию, обрести ее и каждый в своей работе. И вот от того, как каждый работает самостоятельно на своем месте, теперь уже зависит сам Чинков, потому как без них (без Копкова, Монголова, Баклакова, Гурина, Седого, Куценко и других) он по сути дела ничто даже со всем своим умом, железной волей, богатейшей интуицией. Тут обоюдная взаимозависимость, притом взаимозависимость полная, органичная, жизненная».

Например, роман начинается с глав, в которых автор довольно подробно описывает злоключения Баклакова. К чему все это? Болезнь Баклакова заслоняет все, хотя, между прочим, с таким же успехом он мог “болеть” где-нибудь в туристическом походе. Автор напрягается, старается показать характер Баклакова, а характера нет, потому как мы еще не видим масштаба работы, масштаба дела, и в результате получилась та самая экзотика, против которой воет сам же автор. Ничего не прибавляют подробности из отпускных странствий Баклакова, но вот потом его характер проявится, потому что обозначится тот масштаб, в который себя добровольно “впряг” Баклаков. И вот что любопытно:

потом, когда мы уже “чувствуем” Баклакова, страницы, посвященные описанию его болезни и отпуска, все равно вспоминаются как-то с большим трудом.

Говоря образно, хотелось бы, чтобы автор так же организовал героев и так бы подчинил своему замыслу материал, как организовал своих людей и подчинил все и вся своему замыслу Чинжов. Возможно, роман улучшится и от самого простого сокращения длинот и повторов (на мой взгляд, следует, к примеру, несколько подсократить количество обращений к различного рода источникам), но все-таки не на столько, чтобы можно было сказать о полной реализации авторского замысла, а замысел романа заслуживает того, чтобы он был реализован полностью. Еще раз повторю: композиция романа должна быть более четкой, более рационалистичной, ибо того требует материал романа.

Несколько слов о языке романа. Диалоги написаны живо, сочно, ярко, но... несколько однообразно. Слишком уж часто герои обращаются к античным именам и понятиям. Хорошо, красиво звучит, но вот достоверность несколько убивается, а порой проглядывает авторское желание “говорить красиво”. Вроде бы хорош и ярост Гурин: так и сыплет собственными и чужими афоризмами. Потом это начинает утомлять – не хлеб с изюмом, а один изюм. Становится приторно. У Баклакова здоровая философия. Характер есть, но есть и демонстрация характера, несколько затемняющая достоверность характера. Между прочим, болезнь Баклакова в начале романа – это тоже одна из демонстраций его характера. Видны нитки, которыми шьется этот характер. Интересно заявлен образ журналистки Сергушевой, но жаль, что везде этот образ показан “через кого-то” или в связи “с чем-то”. Но это все мелочи. Главное – это решить композицию романа, целесообразность публикации которого у меня не вызывает никакого сомнения».

А вот в журнале «Молодая гвардия» рукопись Куваева оказалась никем не прочитана. Там еще не закончился передел портфелей, начатый сразу после утверждения нового главреда Анатолия Иванова. Чтобы как-то подтолкнуть редакционное начальство, Куваев попросил замолвить за него доброе слово Ивана Падерина.

«...Единственный раз в жизни, – рассказывал Куваев перед самой своей смертью, – я попросил “походатайствовать” доброго человека Ивана Падерина».

Почему писатель обратился за помощью именно к Падерину и что вообще связывало Куваева с Падериным, для меня до сих пор остается тайной. Но точно известно, что Падерин Куваеву не отказал.

«В четверг, – написал Куваев в конце десятих чисел ноября 1972 года Светлане Гринь, – договорился о встрече с Падериным (рукопись), и там вроде все нормально».

Параллельно Куваев занялся переделкой некоторых глав. В том же письме он сообщил Гринь: «Дней через пять-шесть надеюсь закончить переработку первой части. Если бы удалось числу к 15-му сделать вторую, то можно спокойно менять координаты...»

Падерин не подвел. Он прочитал рукопись чуть ли не за ночь и тут же обнадежил Куваева.

«Вчера, – обрадовал писатель 25 ноября 1972 года Светлану Гринь, – решился вопрос с публикацией в журнале».

29 ноября Падерин подкрепил свои устные восторги письменным отзывом. Он писал: «Я не буду пересказывать судьбы и “религию” его героев. Это займет много времени и отвлечет внимание редколлегии от того, на что надо, на мой взгляд, в первую очередь обратить авторское внимание. Хорошо выписанные картины, характеры, эпизоды автор знает без нашей подсказки. Следует указать на отдельные просчеты и тем оказать автору посильную помощь».

Итак, роман о геологах, о наших современниках. Значит, роман для нашего журнала. Поэтому я хочу попросить Олега Куваева подумать вот о чем:

1. Роман не скреплен напряжением сквозной мысли или, вернее, столкновением мыслящих персонажей по главной, стержневой теме всех трех частей. Ведь за осень, зимой и летом заложены авторские наблюдения за ходом борьбы за большие свершения в думах людей. Однако эта линия рвется отвлеченными описаниями размашистых натур, путешествий в теплые края, а порой просто регистрацией фактов.

2. Весьма напряженный момент – смерть отца главного героя – автор пропустил мимо души и не оставил отпечатка в логике осмысления этого события.

3. Начало первой части оставляет впечатление вялости. Текст описательный, наблюдательский. Под Сергеем Баклаковым угадывается автор, но это не значит, что он может разговаривать с читателем без увлечения и без сюжетной завязки. Первые главы могут привязать или оттолкнуть от романа современного читателя. Новые вкусы. С этим нельзя не считаться, и сюжетная пружина должна давать о себе знать в самом начале.

4. Мне трудно согласиться с утверждением автора, что в геологические партии берутся люди всякие, беглые и эзки, без какой-либо проверки или хотя бы с условными оговорками.

Герои дерутся по-ремарковски. Вышиб зуб и тут же пьет стакан водки с обидчиком. Человек всегда и везде остается человеком: обиды и физические ущемления могут забывать моментально только бесчувственные существа.

5. Гибель Гурина, затем тракториста Седого, затем гибельная "судьба" Салахова и Феникса, трактующая автором так, что становится страшно за судьбу всех геологов: обреченные люди.

6. Герои дерутся по-ремарковски. Вышиб зуб и тут же пьет стакан водки с обидчиком. Человек всегда и везде остается человеком: обиды и физические ущемления могут забывать моментально только бесчувственные существа.

К слову: Падерин был не прав, когда попытался расшифровать одного из персонажей романа – Бахлакова. Куваев списывал его не с себя, а с другого геолога – Василия Белого, с которым он в конце 50-х годов работал в Певеке. Но он не знал всех подробностей ранней биографии Белого, поэтому передал ему часть детских и юношеских эпизодов уже из своей жизни.

Падерин переоценил свое влияние на нового главного редактора «Молодой гвардии» Анатолия Иванова. Тот, похоже, даже не стал листать рукопись романа. Видно, у него уже имелся список совсем других авторов, которых он собирался печатать в 1973 году, и Куваеву там места не было. Не поэтому ли писатель потом «Молодую гвардию» костерил самыми последними словами?!

К слову: еще не зная оценок Ланшикова и Падерина, Куваев, похоже, засомневался, по тому ли пути пошел и не стоило ли вместо романа сделать еще одну повесть, но на прежнем материале. У него уже были две вещи, которые рассказывали о том, как люди в 50-е годы попадали на Север: или бежали от

судьбы, или искали смысл жизни. Я имею в виду повести «Весенняя охота на гусей» и «К вам и сразу обратно». У Куваева возник соблазн сделать третью повесть о новых покорителях Севера и потом свести все три вещи в один роман. Но третью вещь он, как я понял, планировал склеить из тех кусков, которые до этого писались для книги о чукотском золоте.

Новую идею Куваев оформил осенью 1972 года в виде заявки для издательства «Советский писатель». Он даже название для этой заявки взял из списка прежних заглавий книги о чукотском золоте: «Половина божественной сути».

Куваев сообщил в издательство «Советский писатель»: *«Ввиду некоторой нестандартности построения рукописи считаю возможным остановиться на нем подробнее, точно так же как и на мотиве "кому и зачем это все требуется". С одной стороны, книгу можно рассматривать как сборник, состоящий из трех повестей. С другой – все три повести представляют собой некую мини-трилогию внутри одной общей истории и ситуации и при направленном авторском усилии могут быть сведены к роману.*

Общий для всех трех повестей замысел сводится к исследованию психологии, развитию и взаимосвязи характеров героев в своеобразных условиях глухого угла Арктики, который живет в преддверии перемен. Здесь не поставлена еще пресловутая "первая палатка", об этих местах не пишут газеты, сюда не объявлен комсомольский набор. Ситуация житейских и нравственных перипетий от первой палатки, через индустриальную стройку к промышленному гиганту, выросшему на пустом месте, в советской литературе описана весьма широко. Ситуация эта априори подразумевает: "до нас тут не было ничего". Это, кстати, определяет и нравственную окраску многих конфликтов.

Самостоятельность "до нас тут не было ничего" при всех своих положительных сторонах не является верной. "До нас" тут были сотни и тысячи людей, существовало переплетение житейских биографий и интересов, которые именно определили и сделали возможным и целесообразным самый первый палаточный городок. Я не имею в виду проектировщиков и изыскателей, о которых также написано достаточно много и иногда хорошо. Ничто не возникает на пустом месте. Существует предварительный период. Как правило, он смутен и пестр в целях, поступках, биографиях участвующих в нем людей. Сюда попадают или в определенном бегстве от жизни, либо в поисках ее смысла, либо просто родились здесь. Целенаправленное и нивелирующее влияние большого

коллектива и общей цели пока отсутствует. Но существуют жесткие законы жизни малых коллективов в глухих углах. Именно они являются главным нравственным фактором.

Две первые повести “Весенняя охота на гусей” и “К вам и сразу обратно” последовательно во времени с разных сторон освещают именно этот предварительный этап. Герои повестей не знакомы и пока не сталкиваются друг с другом.

Они встречаются в третьей, завершающей повести. Область, где прошло их “арктическое становление”, уже освоена, нахлынуло многолюдство. Но и сами они уже не мянущиеся молодые люди, а взрослые мужчины с опытом жизни, опытом потерь и ошибок. Они выстояли, сформировались, они проверенные кадры. Но так как законы освоения новых земель продолжают действовать, теперь их очередь оказаться действительно первопоселенцами. Начинается освоение пограничного вовсе уж глухого таяжского района, куда не забирались даже олени стада. Освоение идет по-современному: в центре тайги строится посадочная полоса, вокруг полосы возникает оленеводческая база совхоза, к ней позднее прилепятся домики геологической экспедиции, и снова повторится извечный цикл: лет через семь-десять здесь вырастет “первая палатка” будущей стройки.

Таким образом, на протяжении трех повестей прослеживается становление характеров своеобразных землепроходцев XX века – тип характера в наши дни существующий и далеко не лишний.

Избавление от житейской инфантильности, слепотства идет, разумеется, весьма не просто – через гибель друзей, осознание ответственности и так далее. Втиснуть все это в три небольших повести оказалось возможным лишь потому, что я специально выбрал обнаженную и строгую арктическую ситуацию, где расплата и награда совершаются весьма быстро.

Применяемый метод и степень художественной убедительности проще оценить по уже опубликованным повестям “Весенняя охота на гусей” и “К вам и сразу обратно”. Третья, завершающая и самая большая по объему повесть “Половина божественной сути” (это условное название условно можно взять для всей книги) пишется специально для данного случая. Смысл ее в преемственности поколений, в том, что невозможно в нашем усложнившемся мире отыскать “тихую пристань”. Ничто не защитит нас от века, и единственный способ взаимоотношения со временем – стоять лицом к нему на открытом месте.

Прошу извинить некую декларативность изложения, но “разъяснить” художественное произведение

в нескольких строчках заявки мне не представляется возможным.

Считаю нужным предупредить, что повести “Весенняя охота на гусей” и “К вам и сразу обратно” для книги будут даны в переработанном виде. При давно существующем общем замысле они писались отдельно и с перерывом.

Общий объем – 15 п. л. Рукопись полностью обязуется представить к концу 1973 года».

Но как в издательстве «Советский писатель» отнеслись к замыслу Куваева, выяснить пока не удалось. Я не исключаю, что вскоре писатель сам отказался от идеи третьей повести, решив все-таки не мешать одно с другим и целиком сосредоточиться на романе. Тем более что там проблем хватало.

«Запутался я с третьей частью, – признался Куваев 12 января 1973 года Светлане Гринь. – Всегда у меня дышу лишь на одну часть хватает. Вторую я переработал нормально, а на третьей сломался. Башка пустая, пишу какую-то тягомотину, лишь бы без дела не сидеть, нервы не портить».

В середине января 1973 года Куваев получил письмо от Ильинского. Старый приятель посоветовал товарищу сменить название книги.

«Ты, – ответил ему Куваев, – очень точно усеял, что “Там, за холмами” называют последнюю книгу. Я ее и пишу, вернее, писал как последнюю. Либо последнюю в цикле».

То есть Куваев по-прежнему считал, что книга о чукотском золоте должна завершить цикл, начатый повестями «Весенняя охота на гусей» и «К вам и обратно».

В этом же ответе (он датирован 24–25 января 1973 года) Куваев сообщил, что только-только закончил третий вариант, но остались «бездна неувязанных концов, недоведенных типов, невыясненных ситуаций». Что же касалось названия, Куваев пока стоял на прежнем заголовке.

«Название, Боря, я все-таки оставляю такое <уж больно пришлось>. Если не возникнет нечто звенящее, строгое и чуть печальное».

В этом же письме Куваев сообщил Ильинскому, что намерен вскоре надолго уехать в Терскол, чтобы сменить стены «за ради работы над четвертым вариантом романа». Однако в письмах другим знакомым писатель продолжал утверждать, что он еще доделывал третий вариант. Возможно, Куваев просто в какой-то момент, устав от работы, сбился со счета и спутал третий и четвертый варианты.

Кстати, 22 февраля 1973 года Куваев писал Ильинскому, что собрался перепечатывать роман в пя-

тый раз. Надо ли его признание понимать так, что книга была им переписана уже в пятый раз?

Я знаю другое: в мае 1973 года Ильинский все-таки убедил Куваева поменять название романа.

«Серая Река», Боря, хорошо, – благодарил писатель приятеля. – Во-во! И слово “серый” хорошее. Так что опять получается исторический дубль. “Серая Река” – лучшее из названий для романа, которое пока у меня есть, после отмены “Там, за холмами”. Главное, река-то там у меня есть».

В конце мая 1973 года Куваев сообщил главному редактору Магаданского издательства Людмиле Стебаковой: «У меня был весной шок, закончил я третий вариант своего романа – читаю, нравится. Дал пожить дней пять, читаю – нравится. Чуть не обалдел. Все, думаю, кришка! Ну, теперь, слава богу, не нравится. Сюжета нету, да и герой не тот, не развит».

Но при этом Куваев постеснялся сообщить, что этот вариант он тем не менее относил в редакцию журнала «Наш современник». Там рукопись попала в руки молодого прозаика Анатолия Курчаткина. А он оказался далеко не в восторге от прочитанного.

Летом 2021 года я связывался с Курчаткиным. И вот что он мне рассказал: «Никакого отзыва я не писал. Был звонок от Куваева. Я сказал, что при встрече могу изложить свои доводы. И мы договорились пересечься в Центральном доме литераторов. Разговор получился нервным. Куваев находился в состоянии злости. Со многим, что я говорил, он был не согласен. Правда, это не мешало ему по ходу разговора делать пометки на пачке папирос, кажется, “Беломорканала”. Я после встречи был уверен, что Куваев ни к одному моему замечанию не прислушается. Но недели через две он сообщил, что будет переделывать роман, исходя прежде всего из моих предложений. Я такого не ожидал».

К слову, летом 1974 года Куваев уже всю восхищался Курчаткиным. В письме Игорю Шабарину он утверждал: «Толя – судья строгий, – признался писатель. – Знал бы ты, что он сделал с третьим вариантом романа. Выкинуть велел. Я и выкинул».

Но эти слова признательности Курчаткину вырвались у Куваева, повторю, в 1974 году. А в мае 1973 года писатель был очень опечален. Он писал Светлане Гринь: «Значит, так: в журнале мой роман зарезали. В издательстве < “Современник” >, судя по всему, тоже зарежут. Незаживные дела».

Но совсем по-другому Куваев свои дела изложил Стебаковой.

«С романом у меня дела пока не важны, – написал он ей в Магадан. – Был он в журнале “Наш современник”. Я не считаю его законченным, но сейчас

он уже достаточно профессионален и может фигурировать по редакциям. Прочли. Одобрили в целом. Но дали просьбу таких поправок, когда вместе с водой выплескивается ребенок. То есть я должен свести его до уровня любой из своих повестей. А мне ведь не сводить, мне вверх лезть надо. Не в ту сторону они меня тянут».

Получив в журнале отказ, Куваев взялся за очередную переписку.

«Думаю, – сообщил он о своих планах Светлане Гринь, – что за май-июнь я это сделаю, а где-либо к середине июля отдам на машинку».

В конце письма Куваев провозгласил: «Да здравствует пятая переделка романа!»

Желая помочь Куваеву, Стебакова предложила переговорить о нем и о его книге про чукотское золото с главным редактором «Роман-газеты» В. Ильинковым (она в начале 60-х годов работала в Москве под началом Ильинкова). Но писатель попросил ее с этой помощью подождать.

На машинку новый четвертый вариант Куваев закинул в сентябре 1973 года.

«С журнальной публикацией пока никак, – написал Куваев в сентябре 1973 года родной сестре. – Уж очень там прочно все забронировано. Закачиваю сейчас последний (или предпоследний вариант романа). Отдам на машинку и поеду в Вятку».

Что Куваев имел в виду, когда жаловался на журналы? Разве у него по поводу нового варианта романа не было твердых договоренностей с «Нашим современником»? Или он, обжегшись осенью 1972 года на «Молодой гвардии», допускал, что в «Нашем современнике» ему тоже дорогу могли перебить разные литгенералы. Видимо, Куваев продумывал запасные аэродромы. Но картина рисовалась совсем не радужной. В одном из писем приятелям он так обрисовал журнальный мир: «“Современник” – это хорошо. Журнал приличный, и ребята там со смыслом. Хорошие ребята. Грубияны, дело знают, как я убедился. Ратуют за журнал, а не за взаимоотношения с сильными мира сего. Неплохой журнал “Сельская молодежь”. “Молодая гвардия” – дерьмо. “Москва” – не знаю. “Юность” – шляга без зубов, которая работает под девочку. Вот все о московских журналах, которые читаю. “Октябрь”, “Знамя” – без лица. “Новый мир” – как-то смутно».

Осенью 1973 года у Куваева был практически готов новый, по счету, видимо, пятый вариант (хотя тут вопрос: как считать?). Но писатель вновь остался не доволен.

«...Все вожусь с романом, – написал он в ноябре 1973 года Стебаковой, – и никак все-таки не найду

В «Нашем современнике» роман Куваева стали готовить к сдаче в набор в самом конце декабря 1973 года. Тогда же у книги появилось и окончательное название: «Территория». Курчаткин склонялся к тому, что это название подсказал Куваеву главный редактор «Нашего современника» Сергей Викулов.

*окончательного варианта. Переписал я его уже пять раз. И, видно, еще раз перепишу до марта. Был рас-
плывчат. Стал техничен, но сух. Беда, беда... С дру-
гой стороны, за что же деньги-то платят? Работай,
значит...*

*...Но ситуация такова, что я этот роман взялся
переписывать, а, взявшись, обнаружил, что совсем
не то написал. Написал я нечто вроде сценария для
трехтомной эпопеи. А требуется по замыслу не очень
длинный и нервный современный роман. Вот в этом
аспекте я его и переделываю. И сейчас в середине
перекапывания вижу, что после придется перепеча-
тывать и еще раз по нему пройти для придания ло-
ска, – вот тогда уже будет кое-какой роман. В этих
условиях трубить в трубу – несолидно. Кажется, по-
спешил я с легкостью необыкновенной. Показалось,
что все умею и все гладко. В издательстве я его уже
передвинул на 75-й год. Надеюсь в 74-м дать в жур-
нале. А к концу 73-го кончить его для себя.*

В «Нашем современнике» роман Куваева стали готовить к сдаче в набор в самом конце декабря 1973 года. Тогда же у книги появилось и окончательное название: «Территория». Курчаткин склонялся к тому, что это название подсказал Куваеву главный редактор «Нашего современника» Сергей Викулов.

В канун 1974 года Куваев сообщил своему стар-
шему товарищу Андрею Попову: «Где-то в мае на-

*дежь послать Вам экземпляр романа об открытии
чукотского золота. Он принят в №4 журнала “Наш
современник”. Если не зарежет цензура».*

Прочитав журнальную верстку, Куваев понял, что работа над книгой еще не закончена. В январе 1974 года он написал Жилинскому: «Книжный вариант романа будет выходить в первой четверти 1975 года. Рукопись лежит в издательстве, но я к ней еще вернусь для доработки. Журнальный и книжный варианты весьма будут отличны. В конкретностях – в книжном варианте будет горный инженер Катинский, прообразом его является Вы. Разумеется, в той степени, в какой может быть прообраз в художественной литературе. И учитывая то, что я знаю Вас лишь по письмам и некоторым воспоминаниям чукотских друзей. Вообще же все мной отнесено в абстрактные северные координаты. Роман все-таки получился сузубо художественным произведением, для которого реальные события послужили лишь мотивом».

Не дожидаясь выхода журнала, Куваев в феврале 1974 года подал заявку в сценарно-редакционную коллегию Третьего творческого объединения «Мосфильма» на литературный сценарий.

*«Эта история, – объяснял писатель идею возмож-
ного фильма, – случилась потому, что в Арктике
есть местность под названием Территория, потому
что был горный инженер Чинков и еще потому, что
в один из моментов времени Чинкову была нужна Тер-
ритория, ей же требовался горный инженер Чинков.*

*К началу событий Чинков – знаменитый геолог-
золотоискатель, человек с репутацией тяжелого
танка и к тому же редкостного удачника. Он открыл
последнюю крупную россыль золотопромышленного
района “Северного строительства”. Имя Чинкова
уже внесено в святыни этой организации, где сла-
бые не работают, где все “сильное” – люди, оклады,
морозы, расстояния, обычаи. И основной продукт
здесь “сильный” – золото. Чинков сюда подходит как
гильза к патроннику – тяжеловесен, хмур, замкнут,
и потому никто не видит внутреннего кризиса его,
того, что в разгаре славы для него начался застой.
Незаурядный ум, большой талант геолога, често-
любие Чинкова требуют действия. Но в “Северном
строительстве” он всегда второй. Другие вломились
сюда на “белое пятно” карты, другие основали здесь
города и поселки, открыли первые россыли. Он лишь
удачливый продолжатель. А впереди уже – “возраст
инфарктов”.*

*В финале мы видим Чинкова, когда к нему пришло
“время инфарктов”. Как вскоре оно придет и к тем,
кто шел за ним. В больницу к нему приходит Калдин,*

постаревший, но все еще огромный и костистый. Чинков теперь живет словом “нефть”».

В конце завялки Куваев подчеркнул: «В финале мы должны понять, что все те, кто прошел первые годы на Территории, потерявшие здоровье, сорвавшие сердца, – все они с радостью повторили бы эти годы. Не во имя денег и славы, а во имя непознанного: за чем живет человек».

Речь идет о людях, чьей религией является работа. Что ответ на вопрос о смысле жизни лежит в выполнении и предназначенности. Самое страшное слишком рано познать безопасные уютные истины, пройти мимо грубой ярости в о ней работы и познавать жизнь не на собственной неказистой шкуре, а на слабосильных упражнениях в иронии, в галантерейных страстях или чем-либо похожем».

Киношникам идея Куваева понравилась. Ему дали добро написание сценария. Он, похоже, попал в струю.

Однако сам Куваев, повторяю, не заблуждался. Он отчетливо видел многие недостатки своей вещи.

«Роман, Боря, – признался писатель в феврале 1974 года Борису Ильинскому, – в журнальном варианте получился у меня неплохой. Ну, значит, средний. Вот гранки прочел. Но назвать его хорошим я никак не могу. Все легкость проклятая, все недоработанность. Болты не закреплены, гайки не дожаты, части хлябют».

Однако в журнале подтягивать болты было уже поздно. Но еще оставалась возможность внести исправления в книжный вариант, а заодно что-то по-другому прописать и в сценарии. И уже в марте 1974 года Куваев, не дожидаясь журнальной публикации, решил по-новому прорисовать ряд персонажей. В частности, он взялся за Катинского.

«Фигура инженера Катинского, – сообщил он в те дни одному из первооткрывателей чукотского золота Герману Жилинскому, – это в какой-то степени Вы. <...> Образ этот не развит. А хотелось бы».

Примерно тогда же, в марте 1974 года, Куваев объявился у своего издательского редактора – Марии Соколовой (младшей дочери нашего классика – Михаила Шолохова), которая отдавала один из вариантов романа на отзыв опытному и вдумчивому критику Валентину Курбатову. Выяснилось, что Курбатову в романе понравилось далеко не все.

«Книгу, – заявил он, – не назовешь композиционно совершенной, хоть внешне она и предлагает кольцо – от лета до лета, а внутренне верхнейшую пружину – от неверия в золото Территории до его утверждения. Поправить и переместить в этом строе ничего нельзя. Можно, пожалуй, только несколько

сжать повествование за счет не очень существенных героев. Ощущение рыхлости как раз из-за постоянного введения новых персонажей и остается. Мы успеваем втянуться в драматический мир определенной круга людей, когда автор заслоняет их слиною и предлагает нам для знакомства нового человека; такая периодическая “поджоржка” ослабляет пружину».

Как ни хорош, например, рыжий Всемирный Администратор в лакированных ботинках (стр. 259–260), им можно без ущерба поступиться, как, впрочем, и всей этой главкой, начатой на стр. 257. Без спора, она работает на общую логику романа, но при внешней содержательной пользе она разрушительна формально и значит, в итоге, разрушительная и содержательно... Такого “необязательного” материала можно по роману поискать повнимательнее.

Не всегда разумно тщательное описание производственных операций (тоже, кстати, черта мелвилловская). Если приготовления Куценко к промывке, написанные с дотошностью практического руководства (стр. 110–111), действительно очень хороши и интересны, как бывает интересен труд любого подлинного мастера, то такая же тщательность в описании проходки шурфов (стр. 231, 2) уже менее занимательна, может быть, потому, что менее “рукодельна”. Этих специфических процессов описано довольно много, и тут уж самому автору виднее, какими из них поступиться, какие немного сжать, а какие, напротив, для большей вязности расширить.

Вообще последняя треть книги (конец “зимы” и начало “весны”) ощутимо затормозилась, и нужно некоторое насилие над собой, чтобы без потерь для героев пробиться через “подготовительный” этап с его хозяйственными хлопотами. Характеры несколько потеснились, отодвинулись за производственными вопросами. Читатель это тотчас отмечает и делается невнимателен».

Соколова была во многом согласна с Курбатовым. Она тоже считала, что Куваеву следовало поработать над книжным вариантом романа. 9 апреля 1974 года Соколова сообщила писателю: «Уважаемый Олег Михайлович! Как мы с Вами и договаривались по телефону, рукопись я высылаю. Меня смущает одно: не с опозданием ли? Рецензию В. Курбатова, который читал “Территорию” по последнему, исправленному варианту, посылаю вместе с рукописью. Честно говоря, я полностью согласна с Валентином Яковлевичем, поэтому, думаю, мне нет смысла повторять одни и те же соображения. Будем считать, что он говорит и от моего имени».

Не знаю, видели ли Вы рецензию А. Ланцикова. Судя по всему, он смотрел старый вариант, тот, который Вы забрали летом <1973 года>. Но рецензия толковая, на мой взгляд, и может быть пригодится Вам. Хочу и ее послать тоже.

Помнится, Вы мне говорили, что хотите как следует еще раз все пересмотреть, что недовольны ни журнальным вариантом, ни тем, что в данный момент находится у нас. Если Вы учтете основное наше пожелание – сделать композицию романа более совершенной, то это будет большая половина работы. Остальное же (стиль, язык) – дело второстепенное, при дальнейшей работе над книгой все утрясется лучшим образом.

Как Вы отдохнули, Олег Михайлович? Как работаете над сценарием, движется? Каковы успехи Ваши в жанре горнолыжного спорта? Говорят, что на лыжах Вы ходите так же здорово, как и пишете.

Если возникнут у Вас какие-либо сомнения, неясности и пр., звоните мне в любое удобное для Вас время. Мой телефон: <...>. Или напишите.

Всего Вам самого доброго!»

Первым публично «Территорию» высоко оценил Юрий Бондарев. Выступая в мае 1974 года на пленуме Союза писателей России, он сказал, что появившийся в «Нашем современнике» роман «по накопленному опыту, по значению реальных коллизий, по воплощению жизни в единстве мысли и формы – явление весьма и весьма заметное и тем более радостное, что Олег Куваев неповторим и в выборе нестереотипных героев, и в комплексе средств выражения. Молодой и прозрачный стиль его будто наполнен незагрязненным озоном – от него как бы веет апрельской последовой свежестью, чистотой и здоровьем».

К Куваеву тут же стали липнуть всевозможные околотитературные и прочие пройдохи.

«Что-то друзей больно много стало, – признался он в письме сестре. – Но вовремя все это прикрыл, так что обычного страшного запоя не получилось. А всё ёги, всё ёги вырывают».

Как ни странно, взрыва честолюбия нету. Спокойно я все это воспринял. Может, потому, что всегда знал, что стою я больше любого из 97 % членов Союза писателей нынешних. Оставшихся 3 % стою я меньше. Но вся беда в том, что в Союзе-то писателей нету сейчас писателей. Паустовский умер, Тынянов умер, Алексей Толстой умер... ну, есть десяток приличных фамилий. Ну а Фитцджеральд не у нас жил, и Фолкнер тоже. А – Достоевский и Чехов в сем Союзе не состояли. Так что гордиться нечем».

А как роман Куваева восприняли в геологической среде? По-разному. Насколько я знаю, даже прия-

тели писателя, ходившие вместе с ним не в один маршрут, приняли в «Территории» далеко не все. Приведу фрагмент письма Игоря Шабарина (письмо ушло из колымского 2 июня 1974 года): «Милостивый государь, Олеже Большевский!

Рад я до чертиков за тебя. Поздравляю с громким титулом, с ним будет все проще и все намного сложнее. Ну, так ты к этому и шел. Тут румб (откуда все-таки в глубоко цивилизованном гражданине берутся эти неземные терминологии?) нужен. Трезвая башка и надежные руки. Позволю себе привести вам одну байку – принадлежит она Ф. Кривину».

П А Н У Р Г

Всем известно, кому из прочитанных книг, а кому просто так, понаслышке, сторонкой, как бродяга Панург, весельчак и шутник утопил всех баранов купца Индюшонка. Ох, и зрелище было, и долго потом обсуждал этот случай Панург за стаканом и смеялся философ, тряся животом, вспоминая, как падали в воду бараны. Но одно утаил он, одно умолчал, об одном он не вспомнил в застольной беседе, как в порыве едином тогда сгоряча чуть не прыгнул он сам за баранами следом. Он, придумавший этот веселенький трюк, испытал на себе эти адские муки, когда ноги несут и, хватаясь за крюк, удержать их не могут разумные руки. Когда знаешь и помнишь, что ты не баран, а что ты человек и к тому же философ, но разумные руки немеют от ран, от ненужных сомнений и горьких вопросов... А теперь он хохочет, бродяга хмельной, а теперь он смеется до слез, до упаду, но о д н а к о с п е ш и т о б о й т и с т о р о н о й, е с л и в с т р е т и т с л у ч а й н о н а у л и ц е с т а д о .

Ты с имя, не очень. Их дело – перепевать, твое создавать, кадровым бичам это нужно. Так-то, гражданин России Олеже».

Вот, дорвался я до своей москвички, рад. Ты уж извини за суесловие. Палаточка, значит, у меня, речка шумит рядом, а издаля – дизелек, помнишь старые «ЧАПЫ», чуть тужит. Токмо что «покушал» совсем малосольного «харюза», шпечки, значит, оленьей выпил, а вот медвежатины есть не стал, ты уж извини, не ем я весеннего медведя. Да-а-а...

Спасибо за журналы, я по первому разу прочитал. Бичи мои сейчас рвут, таки интересно им. Не то что обычная журнальная плешь. Уважительно отзываются. И еще в о т д е н ь г у з а г р е б е т !

Ты говорил, что конец хорош. Я, видать, чего-то не понял. Если первая часть разворачивалась как стальная пружина, взрываясь в мозг, торопя, тревожа, сбивая дышалку, разворачивалась по спирали, круто вверх, то о второй части этого не скажешь».

Началась пора весновок, а не лихорадит. Есть отдельные настолько отличные куски, что плакать хочется, а весновочного зуда нет. Есть перепевы настроя и отдельных черт героев на фоне иллюстративных портретов бичей. А вот ясной твердой логики (в первой части так и видишь умную твою, несколько тяжеловатую для остального тела, бабку и взглядик, особенный такой, ты пару раз его мне показал – один раз, точно помню, в Омолоне, около магазина, жесткий такой взглядик, но подорочек), даже, скорее, твердой логики не чувствуется. И за что ты СОЛНЦЕ АЗИЙ всунул в один маршрут. Хочешь отбоариться несколькими фразами от того, что жить покойно не дает, так не получится, ты сам знаешь. Для характеристики Чинкова это ничего не дало, по-моему. О ключике сказал, а что это за ключик – неясно, неубедительно и почему Жора нетушь.

В общем, Олег, в двух словах:

1. Автор отлично знает материал, обстановку, описываемых людей. Настолько отлично, что несколькими словами может и доносит смысл и за пах происходящего.

2. Парней всех без исключения любит, настолько, что позволяет себе самому ими любоваться (а это плохо?).

3. ЛОГИКА – ух, какая крепкая логика.

4. Новизна материала, поданная с фотографичной точностью, талантливо и ярко обобщенная, безусловно, создаст роману успех.

5. Но у определенной части людей, в частности у людей Территории, роман вызовет двойственное чувство. С одной стороны, приятное такое чувство величины события (и у заработавших и не у заработавших право на это чувство – тщеславие – великая штука). С другой – у определенной совсем малой части определенной части – эти наиболее заслужили пьедестал – раздражение.

6. Белому проходу не дадут фразой: “А ты заткнись, Василий Феофаным”.

7. Олеже, это очень и очень серьезная заявка на штуку для людей пьедестала.

8. Кстати, ты не чувствуешь, сценарист тебя не очень давит?»

Но Шабарин был приятелем Куваева. А как отреагировали на «Территорию» другие геологи, с которыми писатель в конце 50-х годов работал на Чаун-Чукотке? Если в двух словах – плохо. Они посчитали, что писатель искажил их роль в поисках «желтого дьявола», и завалили письмами разные инстанции.

Отвечая летом 1974 года одному из жалобщиков – геологу Василию Белому (а с ним писатель в свое время учился в Московском геологоразведочном институте, вместе занимался в лыжной секции и потом пересекался в Певеке), – Куваев сообщил: «Вариантов романа было шесть. В первых двух была “вся геология”, ибо страна Территория у меня имеет карту и соответственно геологическое строение. И так как задача всех переработок – найти наиболее экономное решение, то и “геология” отмерла, выпала как не имеющая идеологического значения и не работающая на вопрос “довольны ли вы собой”».

Другой подписант писем с осуждением Куваева – будущий член-корреспондент Российской академии наук Анатолий Сидоров – спустя годы признался: «Дух жизни и работы он (Куваев. – В. О.) подал в общем правильно. Неприятие его произведений нами возникло главным образом оттого, что, слегка видоизменив наши имена и дела, он наградил многих придуманными ложными характерами и поступками. Безусловно, это право писателя, но ему следовало бы дать своим героям имена, не ассоциирующиеся с именами хорошо знакомых нам людей. К тому же все герои романа “Территория” разговаривали одинаковым фрондирующим (аксеновским) языком, который среди нас был присущ только самому Олегу. В зрелые годы мы сожалели, что после выхода книги отправили в редакцию протестное коллективное письмо. К счастью, оно нигде не было опубликовано, но для Олега это был удар, в том числе и по его развивающимся творческим способностям. Он в это время и ранее уже много пил. И наше письмо, конечно же, не способствовало его душевному равновесию, хотя он и шутил в обычном стиле при встречах на тему обидевшихся героев» (Сидоров А. Времена недавние. Магадан, 2016. С. 238–239).

К слову: в 1998–1999 годах историю с письмами-протестами и осуждениями изучал аспирант Магаданского педагогического университета Владислав Иванов. Он многое тогда раскопал, но подробно останавливаться на этом в своих работах не стал. Почему?

«Письма эти (и с копиями, и с подписями, и какими-то там правками карандашиками – усердно, закусив губу, ведь старались!) по моим просьбам приносили сами участники “событий” в СВКНИИ, что-то было и у Пчелкина (ответсекретарь Магаданской писательской организации. – В. О.), что-то у Федотовой (одна из муз Куваева. – В. О.), часть в картонных коробках, в домашнем архиве в Болшево, что-то даже у Мифты (Мифтахутдинова. – В. О.) я видел (но обязан сказать, что они были в отдельных папках,

Г.М. <Куваева> не рекомендовала мне их трогать, но, конечно, я залезал, прости господи). Слава, у геологов было много разных пасквилей, анонимок, мерзотных бумажек, сплетен и пр., которыми мне посчастливилось не замараться, и вряд ли могу рекомендовать кому-то исследования подобных тем. Тоже где-то на пленках должны быть старые записи 90-х. В беседах, чувствуя, к чему идет линия беседы, старался менять тему и не колупать какие-то личные обиды. Там, впрочем, не только личное, Слава. Шпрыгов (завкафедрой литературы в Магаданском университете. – В.О.) грамотно мне подсказывал тоже не лезть в дебри, заниматься литературоведением (за что ему низкий поклон, он, кстати, и про Федотову не рекомендовал ворошить, сейчас я бы его послушал). Были ведь вопросы о, скажем так, публикации сведений. Не забывай, что темы произведений связаны с реальными данными многолетних и не публичных и даже закрытых исследований ресурсов, методик разведки и добычи, организации производств, экономики и пр. Понимаешь, это ведь не просто романы, а тщательно прописанные, скажу так, бизнес-модели. Почти 20 лет я в производственном бизнесе, понимаю, что Куваев писал не как лирик, а исключительно как технарь, как ученый. Он ведь не выдумывал, понимаешь, он ведь работал на реальном материале, в т. ч. на реальных научных и прогнозных данных СВКНИИ.

Еще. В архиве КГБ (УФСБ) есть информация о “сигналах” именно от геологов, я туда не лез, но как раз в СВКНИИ и СВЗ (объединение «Северовостокзолото». – В.О.) об этом мне не раз говорили, что типа “еще разберутся”. Они, понимаешь, “сигналили”. Седов разве бы об этом рассказывал? Не смеши мои ботинки! Марий Евгеньевич Городинский (записывал с ним не раз беседы в музее на Пролетарской и на тему “мнения геологов” готовил статью для “Магаданки”, но Шпрыгов, повторяюсь, мудро приостановил) был очень в курсе всей этой дурно пахнущей кухни, бумаги у него были, я помню, мнения... короче, в его архиве, если он уцелел после его смерти, много информации, уверен. Другой вопрос – на кой все это копать “на дне желудка в темноте тысячелетий”?

Короче, вопросы с геологами гораздо более сложные, чем просто “Василий Феофанович! Заткнись” (под Василием Феофановичем в “Территории” был выведен реальный человек. – В.О.)».

Совершенно по другой причине не восприняла роман «Территория» тогдашний директор Магаданской областной библиотеки Нина Кошелева, которая в середине 1970-х годов во многом формировала

вкусы у элиты Колымы и Чукотки. Она даже запретила у себя в библиотеке устраивать по «Территории» читательские конференции, несмотря на настоячивые рекомендации обкома КПСС. Влюбленная в первые книги Куваева, Кошелева считала, что в этом романе писатель выбрал ложную цель. Как ей казалось, работа – это все-таки не религия, и она не должна заменять частную жизнь человека, любовь, семью. Не поэтому ли она не приняла финальный пафос романа, который так полюбили цитировать критики: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?..»

А кто собой доволен?

